

Н. Н. МОЛЧАНОВ

Генерал де Голль

<Фрагменты>

<...>

Многие считали, что Шарль де Голль по своему характеру был вылитым портретом матери: та же чувствительность, скрытая под ледяной маской невозмутимости, тот же темперамент, в котором смешивались уравновешенность и нервозность, та же внезапная вспыльчивость. Что же касается мировоззрения, культуры, манеры мышления, то он — явно сын своего отца. Разумеется, все эти проявления врожденной наследственности — дело темное и напоминают извечные разговоры о том, от кого из родителей сын унаследовал цвет глаз, форму носа или походку. Важнее восстановить духовную атмосферу, в которой рос и воспитывался человек, вступавший в жизнь.

<...>

С раннего детства Шарлю внушали, что по воле счастливого случая он — продолжатель столь славного в прошлом, хотя ныне увядшего генеалогического древа рода де Голлей. Естественно, каждый раз речь заходила о Столетней войне и событиях, ей подобных. Детям говорили, что людям такого происхождения никогда не следует изменять своей исторической миссии, состоящей в том, чтобы хранить высокий духовный облик нации, быть опорой патриотизма и католической веры. Вот к чему сводилось семейное воспитание будущего генерала! Он рано осознал свою принадлежность к подлинной элите, призванной самим богом быть солью земли и составлять когорту избранных носителей французского духа. Конечно, признавались и заслуги промышленной и коммерческой бур-

жуазии, однако подчеркивалось неизмеримое превосходство над этим разрядом людей, обреченных на вечную низменную погоню за деньгами.

Видимо, здесь и лежат истоки того, что де Голль никогда, до конца своих дней, не признавал своей принадлежности к буржуазии. <...> «Буржуа? Я им никогда не был. Буржуазия — это богатство, стремление к доходам, к собственности. Моя семья и я, мы всегда были бедны... Я никогда не чувствовал себя связанным с интересами и стремлениями этого класса».

<...>

Мальчик очень рано обнаружил отнюдь не покладистый характер. Никто не называл его простодушным или тем более послушным. С опущенными глазами его лицо выражало какую-то надменность, а когда он смотрел вперед, его взгляд исподлобья одним казался отважным, другим — заносчивым. Иногда он погружался в долгое мрачное молчание. Но гораздо чаще он был непоседливым и задиристым, горячим и резким. С азартным увлечением Шарль устраивал игру в войну вместе с сельскими мальчишками. В комнате мальчиков именно он подымал невыносимый шум, устраивая из книг, тетрадей и игрушек беспорядочную свалку. «Если появляется Шарль, — говорили в семье, — покой исчезает».

Мать надеялась на школу; в 1900 году Шарль начал учиться в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Иезуиты славились искусством внушать уважение к священному принципу власти и воспитывать беспрекословное послушание. Пассивное повиновение — высшая из всех христианских добродетелей и величайшая заслуга перед богом. Развитию этой добродетели и посвящали иезуиты свои главные усилия. Руководствуясь учением Святого Бернарда, они требовали беспрекословного повиновения любым приказанием свыше, даже если эти приказы покажутся отвратительными и ужасными. Рассуждать о целесообразности или справедливости приказа — тяжкий грех. «Как труп в руках начальства» — таким должен быть христианин согласно учению основателя Ордена иезуитов Игнатия Лойолы.

<...>

Отцы-иезуиты не преуспели в обуздании характера Шарля. Надежды на то, что коллеж упорядочит, смирит, дисциплинирует его, не оправдались. Мальчик обнаружил весьма неподатливую натуру. Речь не идет о том, что он отвергал глубоко консерва-

тивную, а точнее, реакционную идейную сущность образования, даваемого иезуитским коллежем. Иного идейного мира он просто не знал и не мог даже вообразить возможной альтернативы тому изощренному мракобесию, которое иезуиты выдавали за божественное откровение. Не вызвала протеста и религиозная сторона — обязательные мессы, молитвы до и после занятий, занятие апологетикой, катехизисом, духовным чтением и прочими благочестивыми «науками» и Церемониями. Религия уже стала для него привычкой; и, отнюдь не обладая фанатизмом в вере, он выполнял все положенное, подобно умыванию по утрам.

Дело состояло в том, что система мелочной дотошной регламентации, не обоснованной никакой логикой, необходимость безропотного подчинения всему, что предписано, оказались для него непереносимыми.

Стать «трупом в руках начальства» Шарль де Голль не мог. Его натура отвергала необходимость пассивного повиновения, во всяком случае для него самого. И он сохранил свой характер, побуждавший его в наиболее значительные моменты жизни проявлять именно активное неповиновение, что и делает его человеком выдающимся.

Шарль возмущался принудительными школьными порядками. Часто ему указывали на его недисциплинированность, на небрежность в занятиях. Много лет спустя, будучи президентом Республики, генерал неожиданно признался своим внукам и внучатым племянникам: «В начальных классах школы я никогда не учил уроков. Но этому примеру не следует подражать!»

Он отнюдь не был ленивым и проявлял исключительное прилежание, но лишь тогда, когда делал то, что ему нравилось, что волновало его воображение. Но вот, например, уроки немецкого языка вызывали у него отвращение. Родители пытались всеми способами утихомирить его причудливую натуру. Так, мать настояла, чтобы он брал уроки фортепьяно у мадемуазель Монтей. Но результаты оказались более чем посредственными. «Шарль очень беспокоит меня, — говорил его отец, — он весьма способный и далеко пойдет, но ему так не хватает умеренности и здравого смысла... Боже! Сделай так, чтобы все было хорошо...»

Впрочем, родительские опасения оказались напрасными. Вскоре Шарль начинает соперничать со старшим братом Ксавье, успехи которого ему постоянно ставили в пример. Природная одаренность брала свое. К тому же семья воспитала в нем вкус

к культуре. Он с удовольствием слушает по вечерам отца, читавшего Расина или Сенеку, хотя в те годы он отдавал предпочтение Ростану. Он выучил наизусть всю пьесу «Сирано де Бержерак».

Трон и алтарь, сабля и кропило — вот идеалы, стоявшие в центре обучения в коллеже Непорочного зачатия. Однако воспитанникам давали основательные знания античной и классической французской литературы. Разумеется, усвоение латинской культуры мало способствовало пониманию окружающей действительности. Но несомненно, что Шарль де Голль получил серьезную литературную подготовку на традиционной классической базе. На всю жизнь он сохранит тот стиль речи, языка, который он приобрел в детстве. Его выступления всегда будут отличаться цicerоновским стилем, своеобразным эпическим характером, так же как и краткостью, ясностью, четкостью терминов. В сочетании со смелостью лексикона, образностью мышления все это поможет ему выработать эффектное и одновременно доходчивое красноречие.

Вкус к литературе не только пробуждает в нем не ослабевавшую никогда страсть к чтению, но и стремление испытать свои силы на соблазнительном литературном поприще. Увидев в одном журнале объявление о литературном конкурсе, он пишет, естественно в стиле Ростана, небольшую пьесу в стихах «Дурные встречи». Говорили, что ее довольно банальное содержание заимствовано у известного шансонье Гюстава Надо¹. Во всяком случае, ему присуждают первую премию: он мог по своему выбору либо получить 25 франков, либо опубликовать свое произведение. Юный литератор предпочел публикацию. К чести начинающего автора следует отметить, что в дальнейшем он не пытался писать стихи.

Навсегда сохранившиеся у него литературные наклонности все же отступают на второй план перед рано пробудившимся интересом к истории. Если литература способствовала приобретению де Голлем формы, манеры, стиля в выражении мыслей и взглядов, то его мировоззрение формировалось главным образом изучением истории. Французы вообще очень любят историю и гордятся не без основания великим прошлым своей страны. Шарль де Голль отдавался изучению истории самозабвенно, забывая даже в праздничные дни ради чтения исторических книг игры, забавы и развлечения. Эта страсть зародилась еще в кругу семьи. В школе история становится любимым предметом Шарля де Голля, и он приобретает обширные исторические познания,

хотя и довольно односторонние. Ведь историю в коллеже иезуитов преподавали так, что она состояла исключительно из перечисления войн, сражений, описания деяний полководцев и королей. «Сорок королей создали Францию»² — этот знаменитый принцип определял сущность той философии истории, которую внушали воспитанникам коллежа. В этой истории не оставалось места для народных масс, для борьбы классов. Над всем царили божественное провидение и гений властителей.

Но даже из такого архаичного и консервативного изложения истории Шарль де Голль постепенно извлекает идею, которая помогает ему выработать цельное мировоззрение, основанное на абсолютном приоритете национального фактора. Нация в его представлении служит извечным элементом жизни, сохраняющимся в неприкосновенности под покровом меняющейся действительности.

В представлении де Голля время как бы течет обратно, к прошлому. Конечно, это странное понимание истории, хотя иногда возвращение к прошлому может означать движение вперед. Он проникался сознанием, что высшей целью истории, ее смыслом и содержанием является существование и укрепление французской нации. Все должно служить величию Франции. Молодой де Голль приходит к твердому убеждению, что этому должна быть подчинена и его собственная жизнь. «Еще в коллеже он знал, — скажет через много лет его младший брат Пьер, — что ему предстоит спасти Францию...»

<...> [В 1904 году] он еще слишком молод, и ему рано сдавать экзамены на бакалавра; чтобы не терять времени, его записывают и в класс философии. Однако закончить учебу в Париже ему так и не удалось. Республика неумолима: преподавательская деятельность иезуитов отныне запрещена. Разумеется, Шарль де Голль мог бы продолжать учебу в каком-нибудь светском коллеже. Однако его родители презирают эти республиканские заведения. Отец посылает сына в 1907 году учиться за границу, в Бельгию. Сюда переехали парижские иезуиты и основали коллеж Святого Сердца. Он разместился в Антуане, вблизи Турнэ, совсем рядом с французской границей. Шарль де Голль продолжает учебу недалеко от знаменитого поля сражения при Фонтенуа³, ныне засаженного свеклой. Не так далеко отсюда и легендарные холмы Ватерлоо⁴. Это снова привилегированное учебное заведение; многие из его учеников носят имена с дворянской приставкой и обращаются друг к другу

только на «вы». Не зря коллеж занял бывший замок принца де Линя⁵, кирпичный фасад которого возвышается над рекой Эско.

Шарль де Голль занимается в специальном математическом классе и обнаруживает большие способности к математике. Преподаватели советуют ему поступить после окончания коллежа в Политехническую школу. Но Юноша, который одно время мечтал стать миссионером, уже сделал окончательный выбор своего пути. Он хочет быть офицером и намерен поступить в военное училище Сен-Сир. Отнюдь не случайно появилось у него стремление к карьере профессионального военного. Сказалось прежде всего обычное для молодого человека дворянского происхождения, воспитанного в иезуитском коллеже и в консервативной семье, предубеждение против всех республиканских институтов, кроме традиционных «устоев общества»: церкви и армии. Но такое простое объяснение далеко не исчерпывает мотивов, побудивших молодого де Голля избрать военное поприще. Этот выбор является результатом длительных размышлений о судьбе родины и своем жизненном пути, закономерным плодом его духовного развития, завершившегося в сложной напряженной и противоречивой интеллектуальной атмосфере Франции начала нынешнего века.

Позднее сам де Голль опишет эту атмосферу, как она представлялась ему в годы юности: «Появление Бутру и Бергсона в области философии, обновивших французскую духовную жизнь, таинственное очарование Пеги⁶, ранняя зрелость молодежи, чувствовавшей приближение кровавой жатвы, влияние Барреса⁷ в литературе, прививавшего элите сознание вечных национальных ценностей, объединявших ее с предками...»

<...>

...Летом 1908 года, успешно закончив в Бельгии коллеж Святого Сердца⁸, Шарль де Голль возвращается в Париж. Его решение стать офицером было одобрено родителями, так же как и выбор военного учебного заведения. Специальная военная школа Сен-Сир, наравне с Политехнической школой, открывала свои двери далеко не всем. Здесь, как и раньше, воспитываются сыновья «приличных семейств», прежде всего дворянских. Другие военные школы, вроде Сен-Мексанской и Сомюрской⁹, предназначались для выходцев из мелкой буржуазии. Молодому человеку, окончившему Сен-Сир, уже одно только это обстоятельство открывало путь к успешной карьере. Поэтому поступить туда было не так-то просто. Но отец Шарля де Голля был спокоен

за своего сына. Иезуиты издавна контролировали набор в Сен-Сир; туда попадали почти исключительно их воспитанники, составлявшие потом элиту армии. Правда, сейчас иезуиты официально изгнаны. Но тайно, обходными путями они сохраняли свое влияние. Поэтому Шарль де Голль не удивился, когда, войдя в подготовительный для поступления в Сен-Сир класс коллежа Святого Станислава, он встретил среди преподавателей людей, хорошо знакомых ему по учебе в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Здесь и его отец заведует учебной частью.

А через год, в августе 1909 года, Шарль де Голль успешно сдает вступительные экзамены в Сен-Сир. Для него эти экзамены, о трудности которых ходили легенды, оказались легкими. Но не потому, что у него была хорошая учебная подготовка. Дело здесь заключалось кое в чем другом. Еще до экзаменов надо было пройти специальную комиссию, составленную из офицеров и, как правило, бывших воспитанников иезуитов. Комиссия определяла «общую пригодность», которая зависела от происхождения, семейных связей, репутации. Только «благонадежные», только «благонамеренные» могли успешно пройти испытание. Это был хорошо налаженный механизм социального отбора, который обеспечивал безупречную реакционность офицерской касты. Данные Шарля де Голя позволяли без труда обнаружить «общую пригодность», и его приняли.

<...>

<...> «Когда я поступил на военную службу, — вспоминает он, — армия занимала очень большое место в жизни народов. Подвергаясь нападкам и оскорблениям, она спокойно и с тайной надеждой ждала, что настанут дни, когда все будет зависеть от нее».

А в ожидании этих дней ему второй раз в жизни пришлось на своей личной судьбе почувствовать неудобства республиканской демократии. В первый раз из-за изгнания иезуитов ему пришлось заканчивать коллеж в Бельгии. Теперь предстояло новое неприятное испытание. В марте 1905 года республиканцы, чтобы как-то заполнить пропасть, разделявшую во французской армии офицерскую касту и массу рядовых солдат, добились принятия закона, по которому каждый молодой человек, принятый в Сен-Сир, обязан в течение года служить рядовым солдатом.

<...>

И вот Шарль де Голль снова на севере, в старинном городке Аррасе, ныне центре департамента Па-де-Кале, служит солдатом

в 33-м пехотном полку. Этот долговязый пехотинец, затянутый в форму, с тяжелой винтовкой Лебеля в руках, безропотно, но угрюмо выполняет свой долг. Караулы, учения, строевая подготовка, подметание обширного двора и тяжелая, непривычная обстановка мрачной казармы. Незнакомые, грубые и простые люди, с их мечтами о воскресном отпуске и бутылке картофельной водки, сальные шутки, брань, грубость сержантов, непривычная солдатская еда; словом, все, что полагается в провинциальном гарнизоне.

В немногие свободные минуты досуга рядовой Шарль де Голль мог утешаться чтением одного из своих любимых авторов — знаменитого Альфреда де Виньи¹⁰, так проникновенно писавшего об участии солдата. Ведь произведения этого страстного проповедника любви к воинской славе, воспевавшего высокие понятия чести и доблести, оказали немалое влияние на решение Шарля де Голля пойти в армию. Но сейчас внимание молодого пехотинца привлекают больше те места в книге де Виньи «Неволя и величие солдата», где он, человек военный до глубины души, высказывает суровые истины о солдатском ремесле: «Армия есть нация в Нации: это одно из зол нашего времени... это как бы живое существо, отторгнутое от большого тела Нации, а существо это похоже на ребенка, до такой степени не развит его ум, до такой степени ему запрещено развиваться. Современная армия, стоит ей вернуться с войны, считается чем-то вроде жандармерии. Она как бы стыдится собственного существования и не ведает ни того, что творит, ни того, чем она является в действительности».

<...>

<...> Участь [де Голля] в конце концов оказалась не такой уж тяжелой. Ведь на рукаве у него была особая нашивка, свидетельствующая, что он — кандидат в офицеры и в казарме временный гость. Таких, как он, во многом приравнивали к унтер-офицерам, поэтому служилось им значительно легче, чем простым солдатам. А главное, впереди желанное будущее. И хотя Шарль де Голль держится еще более отчужденно и надменно, чем всегда, свои скромные обязанности он выполняет подчеркнуто безупречно. Его начальство спрашивали, почему образцовое поведение солдата не отметят повышением? На это капитан Тюньи отвечал: «Неужели вы хотите, чтобы я назначил сержантом парня, который находит для себя подходящей роль главнокомандующего?»

<...>

<...> В октябре 1910 года он уже полноправный «си-пар»: так на военном жаргоне называли сен-сирцев. В то время, как свидетельствует его портрет, Шарль де Голль в свои без малого 20 лет был великолепен. Красивый мундир с блестящими пуговицами и бляхой на поясе облегает его длинное и тогда еще очень стройное тело. На плечах роскошные красные эполеты. Шея стянута высоким воротником с золотым шитьем. На голове (как полагалось, остриженной под машинку) блестящая каска с пышным бело-красным плюмажем. Руки в белых перчатках уверенно опираются на эфес сабли. В его прямом взгляде уверенность и твердость.

А вот он в строю с винтовкой на плече. Он стоит в первом ряду первого взвода, первый справа. Ведь мальчик, который десять лет назад был маленьким восторженным зрителем «Орленка», теперь достигает почти двух метров роста! Когда раздается команда «Рав-няйсь!», только он остается неподвижным; все остальные в шеренге мгновенно поворачивают головы и устремляют глаза на его профиль. Когда строй марширует, от него — правофлангового — зависит четкость и точность движения. Не вспомнил ли он опять о своей особой, «счастливой звезде»?

Впрочем, «двухметровый Шарль», как его сразу прозвали, совсем свой парень, не правда ли? Так говорили его товарищи. В самом деле, спрятав свою холодную гордость, он безропотно подчиняется цуканью или, как говорят французы, «бизютажу». Эту процедуру «старики» проделывают с каждым новичком в любом учебном заведении Франции до сих пор. Что они придумали для него? Стоило взглянуть на его весьма выдающийся нос... Конечно, его заставили забраться на стол и продекламировать знаменитый монолог о носах из «Сирано де Бержерака». Зная Ростана наизусть, он, ни разу не споткнувшись, прочитал этот длинный текст. Из-под самого потолка раздавалось: «Пик, мыс, утес — нет, полуостров целый...»

Теперь он получает еще и прозвище «Сирано». Неужели он меняется и обнаруживает веселый и открытый характер знаменитого героя Ростана? Иногда казалось, что это так, поскольку он не отставал от других в мальчишеских проделках. В одном из самодеятельных спектаклей он с успехом играет роль жениха на деревенской свадьбе, что и зафиксировал сохранившийся снимок. В другой раз ему поручают роль клоуна. Что ж, в дальнейшей жизни ему придется играть и не такие роли... В конце концов, многие скоро поняли, что это лишь сознательная дань товарище-

ству. Его надменный характер, замкнутый и заносчивый, не мог не проявиться, чем он и заслужил еще одно прозвище: «Петух».

<...>

Шарль де Голль, как и большинство его товарищей по Сен-Сиру, не испытывал страха перед войной. Эти молодые националисты мечтали о том времени, когда победоносная Франция отвоюет Эльзас и Лотарингию, расширит свою территорию до естественной границы — Рейна, увеличит свое колониальное могущество, превратится силой своего оружия в самую могущественную державу Европы. Вопрос для них заключался главным образом в том, каким должно быть это оружие, как должна быть организована и оснащена французская армия. Будущие офицеры спорили в первую очередь о роли тех или иных родов войск, о новой военной технике, о разных проектах реформы французской армии. Горячие дебаты вызвало, например, утверждение генерала Жоффра¹¹: «Авиация? Это спорт. Для армии она представляет ноль!»

1 октября 1912 года Шарль де Голль закончил Сен-Сир, получив звание младшего лейтенанта. Своими успехами он завоевал 15-е место в выпуске, состоявшем из 211 человек, что было весьма почетно. Но из-за своего характера он уже приобрел недоброжелателей. Один из преподавателей дал ему такую характеристику: «Отличается средними данными во всех отношениях, за исключением роста». По иронии судьбы будущий крупнейший политический деятель Франции XX века при получении офицерского звания дал традиционную клятву, что он никогда не будет заниматься политикой.

<...>

Лучшим выпускникам Сен-Сира предоставлялось право выбора назначения. Шарль де Голль также получил это право, и перед ним встал вопрос, где начать свою службу? Наибольшим престижем традиционно пользовалась кавалерия, а на самом последнем месте, как и везде, стояла многострадальная пехота. И вот, как ни странно на первый взгляд, наш младший лейтенант выбрал именно неблагоприятную участь пехотинца. Более того, он решил служить в том же 33-м пехотном полку в Аррасе, где он проходил солдатскую муштровку. Но неожиданностью своих поступков Шарль де Голль будет удивлять всегда. Однако его решение было не таким необдуманым, как это могло показаться на первый взгляд. Эффектная кавалерия в эпоху массового применения пулеметов неизбежно теряла свою былую славу, артиллерия же

считалась во Франции своего рода вспомогательным родом войск, а пехота оставалась главной ударной силой, призванной свершать те действительно великие подвиги, о которых мечтал Шарль де Голль. Были, правда, еще и особенно модные флот и зарождавшаяся авиация. Но для службы в них требовалась специальная сложная подготовка.

<...>

<...> Шарль де Голль не мог не знать, что командиром 33-го полка назначен полковник Филипп Петэн, известный в армии не только строптивым характером и трениями с начальством, что сказывалось на его карьере, но также критическим отношением к официальной военной доктрине. Петэн был крайне консервативен. Не считаясь с новым законом отделения церкви от государства, он открыто поощрял офицеров, регулярно посещавших мессу. Во всяком случае он сумел приобрести репутацию умного, энергичного, требовательного командира, у которого можно научиться воинскому ремеслу.

И вот свежеиспеченный юный офицер, блестя новенькими эполетами, докладывает своему полковнику о прибытии к месту службы. 22-летний младший лейтенант очень высокого роста с черными глазами и 56-летний полковник, встретивший его ироническим взглядом блекло-голубых глаз, впервые стоят лицом к лицу. Люди столь разные по чинам и возрасту тем не менее обнаружили взаимную склонность. Судьба де Голля долгое время будет связана с Петэном...

Молодой офицер, которому предстояло многие годы служить под началом тогда полковника, а потом и маршала Петэна, будет испытывать большое уважение к своему патрону. Интересно, что даже после позорного конца Петэна, ставшего предателем Франции, де Голль сохранит что-то от этого чувства. В своих мемуарах он напишет: «Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника».

<...>

Само положение профессионального командира, отдающего приказы, решающего в крайних обстоятельствах даже вопрос о жизни и смерти подчиненных, прерогативы дисциплины, не допускающей обсуждения приказов, исключаящей право на дискуссию со стороны нижестоящих, — все это не может не усилить авторитарных сторон характера человека. А у де Голля они и без

того уже были весьма заметны. Если и раньше он с трудом шел на сближение с людьми, то офицерская служба способствовала дальнейшему признанию одиночества как явления естественного. Военная служба особенно сильно деформирует человека, усиливая спесь, надменность, гордость, если он и до этого, как было в данном случае, предрасположен к проявлению подобных качеств.

Маленький чин и маленькая должность не мешали де Голлю относиться к службе с исключительным рвением и серьезностью. Унтер-офицеры невзлюбили педантичного молодого командира. Они находили, что Шарль де Голль своей дотошностью только мешает им. Зато начальству нравилась такая преданность служебному долгу. В 1913 году полковник Петэн дал ему такую аттестацию: «С самого начала проявил себя в качестве действительно достойного офицера, внушающего самые большие надежды на будущее». Петэн писал тогда же: «Очень способный. Блестяще показал себя как в огневой подготовке, так и в учебных занятиях». В октябре 1913 года де Голль получает звание лейтенанта.

При этом он, как тогда, так и позже, не проявлял угодливости по отношению к начальству. Напротив, он по-прежнему обнаруживает свой характер. Правда, речь не идет о какой-то безрассудной строптивости. Стоит упомянуть об одном любопытном эпизоде. Однажды полковник Петэн проводил занятия с молодыми офицерами. Он рассказывал им об осаде Арраса в 1654 году, о маневрах Конде¹², теснившего королевские войска, обходя Роканкур. Неожиданно юный лейтенант де Голль прервал полковника: «Но Тюренн¹³ был там и дал знать о себе громом своих пушек. Аррас был спасен!» Внешне это выглядело, конечно, бестактно, но дело в том, что Петэн давно выступал против официальной доктрины, основанной на преобладании движения, штыка и атаки, и отстаивал первостепенное значение артиллерийского огня. Поклоннику артиллерии поэтому не показалось неприятным замечание (каким бы оно ни было по форме) о решающей роли пушек. Молодой офицер обнаруживал таким образом не только самоуверенность, но и ловкость, не говоря уже об отличном знании военной истории.

<...>

Уже в первые дни [Первой мировой] войны лейтенант де Голль, которому не минуло еще 24 лет, принял боевое крещение. Французское командование, не очень считаясь с силами и намерениями противника, как и со своими возможностями, предприняло в соответствии с заранее разработанным «планом XVII» наступление

сразу на нескольких участках фронта: в направлении Эльзаса, Лотарингии, Бельгии. 1-й батальон 33-го полка 2-й пехотной дивизии, в составе которой был де Голль, перешел бельгийскую границу и двинулся в район Намюра. Он оказался как раз на том участке фронта, на который обрушился главный удар немцев. Вступил в действие «план Шлиффена»¹⁴, разработанный еще в 1905 году и хорошо известный французскому командованию, которое самоуверенно игнорировало его. Германские армии вторглись в Бельгию, чтобы оттуда проникнуть во Францию на наиболее удобном и слабозащищенном участке границы. Развернулось так называемое «пограничное сражение».

Лейтенант де Голль еще не нюхал пороха. Ему предстояло впервые в жизни увидеть то, в чем он находил свое призвание, — настоящую войну. Сначала все происходило, как на маневрах. Потом картина резко изменилась. В книге «Франция и ее армия» де Голль так излагал впечатления от первого настоящего боя: «Внезапно огонь противника становится метким и концентрированным. Град пуль и гром пушечных залпов усиливаются с каждой секундой. Тот, кто еще уцелел, бросается вниз, прижимаясь к земле. Они лежат вперемешку со стонущими ранеными и безмолвными трупами. Напускное спокойствие офицеров, которые хотят умирать стоя, упорно не опускающиеся в отдельных местах штыки винтовок, трубы, издающие сигналы атаки, отдельные героические перебежки — все это не имеет здесь никакого значения, иногда кажется, что вся доблесть мира бессильна против огня».

Де Голль держится под огнем уверенно, во всяком случае внешне. Но высокая фигура, столь эффектная в парадном строю, представляет собой очень удобную мишень. Он получает первую рану 15 августа 1914 года, когда вместе со своим батальоном защищает мост через реку Мезе¹⁵ у бельгийского городка Динана. Рана неопасна, но достаточно серьезна, чтобы его отправили в госпиталь в Аррас. Через город с севера на юг сплошным потоком двигаются беженцы и солдаты. Немцы успешно наступают, отбрасывая французские войска все дальше в глубь страны. События развиваются стремительно, фронт неумолимо приближается к Аррасу, лежащему на пути в Париж. Де Голль не хочет попасть в руки к немцам в первые же недели войны. Он уезжает из Арраса и один отправляется в Париж, а затем в Лион, чтобы там залечить свою рану.

<...>

<...> За несколько недель де Голль увидел многое, что навсегда останется в его памяти. Между тем здоровье лейтенанта восстановилось, и через два месяца после первого ранения он возвратился в строй. Его полк в это время находился на фронте в Шампани. Теперь главные боевые действия переместились на восточный фронт, где русские с трудом сдерживали натиск германской армии. Французское командование использует затишье на западном фронте в 1915 году, для того чтобы компенсировать свою неподготовленность к войне усиленным вооружением и разными организационными мерами. Война из маневренной превращается в позиционную, армии зарываются в землю. В основном проводятся лишь операции местного значения. Де Голль активно участвует в них. В январе 1915 года он упомянут в приказе по 2-й дивизии, что по традиции считается во французской армии большим отличием. Де Голль был отмечен «за проведение в крайне опасных условиях ряда операций по разведке позиций противника и получение ценных сведений». Командовавший полком подполковник Кладель назначает серьезного и смелого молодого офицера своим помощником.

В начале марта военные действия в Шампани активизируются. Французы предпринимают несколько наступательных операций. 10 марта под Мениль-лез-Юрль де Голль получает вторую рану. Только в июне 1915 года он смог вернуться в полк. 3 сентября ему присваивают звание капитана, а 30 октября назначают командиром 10-й роты.

В начале 1916 года германское командование решило перенести центр боевых действий снова на западный фронт и начать здесь мощное наступление на ключевой пункт французской обороны — Верден. Штурм, которым лично командовали кайзер Вильгельм II и кронпринц¹⁶, начался 22 февраля артиллерийской подготовкой невиданной мощности. Это был ураган огня. Французские войска не выдержали и начали отступать. За пять дней ожесточенных боев немцы продвинулись на семь километров.

На помощь Вердену бросили 1-й армейский корпус, в который входил 33-й полк. Капитан де Голль прибыл ночью со своими солдатами на грузовиках к форту Дуомон, только что занятому немцами. Наступил как раз тот момент сражения, когда обе стороны хотели лишь перевести дух. Командир полка поручил де Голлю организовать замену солдат на передовой линии вновь прибывшими подкреплениями. Свою роту он разместил у самого Форта. Утро следующего пасмурного дня, осветившее перепахан-

ную снарядами землю, покрытую множеством неубранных трупов, вопреки ожиданию не привело к возобновлению боя. Передышка, во время которой капитан де Голль напряженно ждал атаки, продолжалась 48 часов. Внезапно относительная тишина сменилась адским грохотом. На французов обрушилась лавина огня и стали. Потери были ужасны, но не успели подсчитать их, как немцы пошли в атаку. Пулеметный огонь французов не мог остановить их. Положение становилось отчаянным. Вдруг раздалось: «Капитан, смотрите, к нам идут подкрепления!» Де Голль обернулся: то были немцы, сменившие свои остроконечные каски на плоские французские, снятые ими с убитых. Остатки 10-й роты оказались в окружении. Де Голль попытался организовать круговую оборону, но кольцо сжималось все теснее. Тогда, собрав горстку оставшихся у него солдат, он повел их на прорыв в штыковую атаку. В момент яростной рукопашной схватки капитан внезапно почувствовал сильный удар и, теряя сознание, повалился на землю.

С французских линий видели уничтожение остатков 10-й роты, видели падение ее командира. Полковник Будор сообщил обо всем семье де Голля. За свой подвиг капитан был награжден орденом Почетного легиона. В приказе, подписанном генералом Петэном, который вместе с генералом Кастельяно¹⁷ руководил обороной Вердена, говорилось: «Капитан де Голль, командир роты, известный своими высокими интеллектуальными и моральными качествами, в момент, когда батальон подвергся ожесточенному обстрелу и нес большие потери, когда противник вел наступление на его роту со всех сторон, поднял своих людей и повел их в яростную атаку, завязав жестокий рукопашный бой. Это было единственное решение, соответствующее его понятию воинской чести. Он пал в схватке. Это был во всех отношениях несравненный офицер».

«Тот, кого сочли умершим, проживет дольше всех» — говорят французы. В самом деле, де Голль был тяжело ранен штыком в бедро и в бессознательном состоянии попал в плен. Когда он пришел в себя и открыл глаза, то увидел, как он рассказывал потом, среди окружавших его немцев тех, с кем он дрался в недавней яростной схватке.

Начался плен, который тянулся почти три года, точнее — 32 месяца. За это время он побывал в тюрьмах и лагерях в Щецине, Розенбурге, Фридберге, Магдебурге, Людвигсхафене, Ингольштадте. С первого и до последнего дня плена его неотступно терзает мысль о побеге, о том, чтобы вернуться во Францию и продолжать

сражаться. Он совершил пять попыток побега. Однажды, добыв форму немецкого солдата, он переоделся в нее и покинул лагерь. Но брюки едва покрывали колени, а рукава доходили только до локтей. Несмотря на трагизм ситуации, можно себе представить комизм этой картины; естественно, что все обращали на него внимание и беглец был быстро водворен обратно в лагерь. В другом случае ему удалось добраться до самой границы, но здесь его схватили; высокий рост снова подвел его. Но он упорно продолжал отыскивать новые способы побега. Вместе с де Голлем в плену был известный летчик Ролан Гарро¹⁸, в 1913 году он первым перелетел Средиземное море. Вдвоем они решили вырыть подземный ход. Копали долго и упорно, но в конце концов наткнулись на скалу, к тому же немцы обнаружили подкоп. За это Шарль де Голль был переведен в лагерь для неисправимых и «рецидивистов», то есть для тех офицеров, которые совершили несколько попыток побега. Это был Форт IX в Ингольштадте, в Баварии.

Для человека активного нет ничего тяжелее отрыва от деятельности. Поэтому годы, проведенные в плену, — мрачные годы де Голля. Но в некоторых отношениях они оказались очень плодотворными. В лагерных условиях, впрочем не слишком суровых, он жил интенсивной духовной жизнью, много размышлял, читал все, что попадало под руку. Когда было нечего читать, он повторял в уме произведения классиков, древних и французских, которых хорошо знал. По немецким газетам он внимательно следил за ходом войны. Он часто делал какие-то записи. Впоследствии из них родилась его первая книга «Раздор в стане врага».

<...> [Де Голль] производил сильное впечатление на товарищей по плену своей необычайной памятью, знанием военной истории, умом, страстью к чтению. Не укрылись от них, естественно, и особенности его характера, безапелляционный тон его высказываний, стремление всегда быть правым, его гордая отчужденность, а подчас и заносчивость. Ему дали прозвище «Коннетабль», то есть главнокомандующий короля. Странное дело, разные люди, в разное время и в разных обстоятельствах, независимо друг от друга называли его этим словом. Значит, было что-то в его облике такое, что ассоциировалось со старинным образом королевских военачальников.

Однажды, после очередной политической дискуссии, один из пленных французских офицеров, который до войны был преподавателем университета, обратился к де Голлю с таким во-

просом: «Почему бы вам не заниматься политикой?» «Если бы я не был военным, возможно...» — ответил де Голль и добавил: «Единственное средство формирования политики — опыт». Характерно, что он не исключал для себя еще тогда возможности политической деятельности.

Впрочем, де Голль далеко не до конца исчерпал и карьеру военного. Он особенно остро почувствовал это в ноябре 1918 года, когда война закончилась поражением Германии и пленных отпустили домой. Де Голль возвратился во Францию, в Дордонь, в семейное владение ла Лижери. Весной 1919 года там собралась вся семья. Три брата де Голля тоже воевали, имели ранения, получили награды и все остались живы. Редкая, счастливая судьба для французской семьи!

Участие в войне Шарля де Голля отмечено орденом Почетного легиона, Военным крестом и тремя упоминаниями в приказе. Но он — всего лишь капитан без всякой должности, в то время как некоторые его сверстники Достигли большего в войсках или особенно в штабах.

<...> В мае 1919 года де Голль уже находится в Силле-ле-Гийоме, маленьком городке департамента Сарт, где стояла 5-я польская егерская дивизия. Он ведет занятия по тактике с польскими офицерами. Затем он отправляется на Вислу и там продолжает обучать польских офицеров. Ему присваивают звание майора польской армии. Правда, во французской армии это звание недействительно, и после возвращения он снова капитан. Но в Польше он носит в качестве майора две звезды на кепи, как во Франции бригадный генерал. Де Голль участвует в боевых действиях против Красной Армии на Волыни и под Варшавой, командуя смешанным пехотно-танковым отрядом. За это он был отмечен в приказе главы французской военной миссии генерала Вейгана¹⁹.

В феврале 1921 года де Голль завершает свою карьеру наемного солдата и возвращается во Францию с польским крестом Святого Венцлава²⁰ на груди. Так заканчивается эта, по выражению нескольких биографов, «польская авантюра» Шарля де Голля. Сам он в «Военных мемуарах» посвящает пребыванию в Польше только пять слов.

<...>

